

Информация для цитирования:

Киселева И. А. Кавказский мир в контексте размышлений М. Ю. Лермонтова о человеке и судьбах истории / И. А. Киселева, К. А. Поташова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 5. — С. 294—309. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-294-309.

Kiseleva, I. A., Potashova, K. A. (2023). Caucasus in Context: M. Yu. Lermontov's Reflections on Man and Fate of History. *Nauchnyi dialog*, 12 (5): 294-309. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-294-309. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-294-309

**Кавказский мир
в контексте размышлений
М. Ю. Лермонтова
о человеке и судьбах истории**

Киселева Ирина Александровна
orcid.org/0000-0002-9629-0035
доктор филологических наук,
профессор, кафедра русской
классической литературы
ia.kiseleva@mgou.ru

Поташова Ксения Алексеевна *
orcid.org/0000-0001-3790-6183
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русской
классической литературы
* *корреспондирующий автор*
kseniaslovo@yandex.ru

Государственный
университет просвещения
(Москва, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке РНФ
проект № 22-28-00025

**Caucasus in Context:
M. Yu. Lermontov's
Reflections
on Man and Fate of History**

Irina A. Kiseleva
orcid.org/0000-0002-9629-0035
Doctor of Philology, Professor,
Department of Russian
Classical Literature
ia.kiseleva@mgou.ru

Ksenia A. Potashova *
orcid.org/0000-0002-0164-0371
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Russian
Classical Literature
* *Corresponding author*
kseniaslovo@yandex.ru

State University of Education
(Moscow, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 22-28-00025

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Выявляется специфика лермонтовского видения и изображения кавказского мира. Проводится реконструкция историософии Лермонтова в контексте событий Кавказской войны. Раскрываются ценностные доминанты кавказского мира в художественном наследии Лермонтова. Показана культурно-историческая обусловленность образной системы и идей поэта. Предметом внимания становится то, как Лермонтов раскрывает явленное в повседневности бытие горцев, в образах которых Лермонтов видит естественного человека как в его привлекательности, так и в порочащих страстях. Изображая кавказский мир в его природной и культурной уникальности, поэт акцентирует близкие его менталитету элементы жизни горцев, отмечает сближения русского и кавказского миров. Воспроизводя культурные традиции народов Северного Кавказа, поэт размышляет о взаимодействии в их укладе родоплеменных отношений, элементов индивидуализма, а также исламской культурной традиции. Гипотеза исследования связана с выявлением динамики в изображении Лермонтовым значения мусульманства в жизни народов Северного Кавказа. Если в ранних кавказских поэмах ислам предстает как внешний атрибут жизни горцев, который мало определяет их сознание, сливаясь с родоплеменной традицией, то в позднем творчестве поэта намечаются выходы к пониманию ислама в его культурно-политической функции, которая при самостоятельности решений горцев может способствовать продуктивному государственному взаимодействию русских с коренными народами Кавказа.

Ключевые слова:

Михаил Лермонтов; историософия; «восточный вопрос»; Россия; Кавказ.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article examines the specificity of Lermontov's vision and depiction of the Caucasus world. It reconstructs Lermontov's philosophy of history in the context of the Caucasian War. The study reveals the cultural and historical conditioning of the poet's imagery and ideas, and the dominant values of the Caucasian world in his artistic heritage. The article focuses on how Lermontov portrays the everyday existence of the highlanders, whose images he sees as representing the natural man in both his attractiveness and his corrupt passions. By depicting the Caucasus world in its natural and cultural uniqueness, Lermontov highlights elements of the highlander's mentality that are close to his own, and notes the convergence of Russian and Caucasian cultures. Reproducing the cultural traditions of the peoples of the North Caucasus, the poet reflects on the interaction between their clan relationships, individualistic elements, and Islamic cultural traditions. The hypothesis of the study is related to the dynamics of Lermontov's depiction of the significance of Islam in the life of the peoples of the North Caucasus. In his early Caucasian poems, Islam appears as an external attribute of highlander life that has little impact on their consciousness, merging with their clan tradition. In his later works, however, Lermontov begins to understand Islam in its cultural and political function, which, when combined with highlander independence, can contribute to productive state interaction between Russians and the indigenous peoples of the Caucasus.

Key words:

Lermontov; historiography; "Eastern question"; Russia; Caucasus.

Кавказский мир в контексте размышлений М. Ю. Лермонтова о человеке и судьбах истории

© Киселева И. А., Поташова К. А., 2023

1. Введение = Introduction

О глубине и точности изображения Лермонтовым кавказского мира говорил уже лично знавший поэта Ф. Боденштедт, переводчик, автор исследований о Кавказе: «Пусть назовут мне хоть одно из множества толстых географических, исторических и других сочинений о Кавказе, из которого можно бы живее и вернее познаться с необычайной природой этих гор и бытом их населения, чем из какой-нибудь кавказской поэмы Лермонтова» [Боденштедт, 1989, с. 369]. Мир горцев Северного Кавказа в художественном мире Лермонтова практически всегда предстает на фоне событий Кавказской войны, хотя основной конфликт произведений, как правило, определяется не столько событиями войны как таковой, сколько вечными противоречиями человеческой природы. События Кавказской войны для Лермонтова — это, с одной стороны, естественное в своей противоречивости наступление цивилизации на мир природы, с другой — защита государственных интересов своей страны, с третьей — кровопролития, которые он как участник сражений не может не осмысливать. Целью исследования стало выявление специфики лермонтовского видения и изображения кавказского мира, реконструкция историософии Лермонтова в контексте событий Кавказской войны. Проблема динамики изображения Лермонтовым значения мусульманства в жизни народов Северного Кавказа еще не становилась предметом целостного научного исследования, но отдельные ее аспекты уже были затронуты в отечественном литературоведении и, в частности, в наших статьях, связанных с выявлением имперских мотивов в кавказском тексте Лермонтова [Киселева и др., 2022а; Киселева и др., 2022б]. В значимый круг проблематики кавказского текста Лермонтова входит и тема встречи кавказского и русского миров, притом эта встреча может быть как созвучной, так и полярной — поэт может искать в кавказском мире что-то близкое русской ментальности и потому глубоко личное, а может и акцентировать принципиальное различие в русской и кавказской картинах мира. В настоящей статье с опорой на культурно-исторический и аксиологический методы анализа художественного произведения пред-

лагается выявить ценностные доминанты кавказского мира в художественном наследии Лермонтова, представить культурно-историческую обусловленность образной системы и самих идей поэта.

2. Материалы, методы, обзор = Material, Methods, Review

Непосредственно с изображением обычаев и нравов народов Северного Кавказа связано семь ранних поэм Лермонтова: «Черкесы» (1828), «Кавказский пленник» (1828), «Каллы» (1830—1831), «Измаил-Бей» (1832), «Аул Бастунджи» (1832), «Хаджи Абрек» (1833), трагическая поэма «Беглец» (1838). Отдельные зарисовки можно наблюдать в поэме «Мцыри» (1839), романе «Герой нашего времени» (1840), а также в лирике. При изображении Кавказа поэт использует реальные географические названия, представляет основную атрибутику быта горцев, их нравы и характер, кавказские горные пейзажи, которые становятся одним из ведущих ландшафтов Лермонтова. Создаваемые поэтом образы не только дают этнографический срез Кавказа того времени, но и раскрывают авторский взгляд на проблему взаимодействия русского и кавказского миров, противодействия природы и цивилизации.

В работе «Лермонтов и культуры Востока» Л. П. Гроссманом была сделана попытка рассмотреть произведения Лермонтова в культурно-историческом контексте. В разрезе поставленной нами проблемы значимым представляется его наблюдение о том, что «историческая кафедра гвардейской школы», в которой учился Лермонтов, следовала «программам, утвержденным в 1827 г.», где «было признано необходимым преподавать историю и географию преимущественно в военном разрезе» [Гроссман, 1941, с. 685], однако должного развития эта мысль в исследовании не получила; автор ограничился социологическими интерпретациями об угнетении восточных народов и «деспотизме» Ермолова. Преимущественно биографическая основа восточного текста Лермонтова изучалась Л. П. Семеновым, И. Л. Андрониковым, Б. Т. Удодовым, которые изложили «важнейшие факты из биографии Лермонтова, связанные с его пребыванием на Кавказе» [Семенов, 1939, с. 7], представили общий обзор кавказских мотивов, отмечая, что Лермонтов, «как все подлинно гениальные писатели, обладал удивительным даром отзываться на явления, связанные с жизнью различных народов» [Там же, с. 52], указали на знание поэтом «быта, нравов и обычаев кавказских народностей» [Удодов, 1973, с. 336]. Исследователи выходили и к проблеме цивилизационного развития Кавказа, отмечая, что «сочувствие кавказским народам не мешало Лермонтову воспринимать продвижение России на Кавказ как явление неизбежное и исторически прогрессивное» [Андроников, 1977, с. 305], однако изучение историософских

воззрений поэта в аспекте русско-кавказского диалога и взаимоотношений социокультурных систем было намечено лишь в отдельных исследованиях, отмечающих то, что в эпоху Лермонтова «все явления духовной жизни начинают окрашиваться историей» [Тойбин, 1976, с. 11], и мышление поэта формировалось именно в контексте исторического сознания 1830-х годов с присущей ему идеей «укрепления государственных границ Империи» [Киселева и др., 2022а, с. 97]. Среди особенно значимых исследований кавказского текста Лермонтова также следует отметить работы П. В. Алексеева, В. Е. Багно, В. А. Захарова, Ю. М. Лотмана, Л. А. Ходанен. Л. А. Ходанен указывала на расширение Лермонтовым кавказского текста за счет введения «национально-конфессиональных аспектов» и на достижение им при создании образа Кавказа «большой географической и исторической определенности» [Ходанен, 2015, с. 55]. В. А. Захаров подчеркивал присущее поэту понимание «темперамента и менталитета южных народов» [Захаров, 2014, с. 65] и непосредственную связь интереса поэта к Кавказу с «темой родины, темой предков» [Там же, с. 67]. П. В. Алексеев отмечал, что восточный текст Лермонтова является «результатом концептуализации ориентальных мотивов в контексте авторского осмысления основ мировой истории и культуры» [Алексеев, 2013, с. 10]. Ю. М. Лотман констатировал интерес поэта к Кавказу как к «типу культуры Востока» [Лотман, 1985, с. 15]. В. Е. Багно писал, что взгляд Лермонтова на Кавказ — «это взгляд русского аристократа, симпатизирующего и сочувствующего горцам, своим соседям и одновременно противникам» [Багно, 2015, с. 69]. Проблема русского Кавказа в его социокультурной составляющей рассматривалась в работах В. С. Кошелева, В. Ю. Кумыша, И. С. Юхновой. В. Ю. Кумыш рассматривал стихотворение «Спор» как «отражение лермонтовской надежды на победоносное завоевание Кавказа русским полководцем Ермоловым» [Нестор, игумен (В. Ю. Кумыш), 2006, с. 54]. И. С. Юхнова указывает на формирование мировоззрения русского кавказца «в контакте с чужой культурой» [Юхнова, 2015]. В. С. Кошелев рассматривает «психологические вариации» [Кошелев, 2014, с. 271] типа русского кавказца у Лермонтова. Однако рассмотренные исследования, претендуя быть научной базой при изучении лермонтовского Кавказа в контексте его представления о человеке и судьбах истории, не исчерпывают обозначенную тему.

3. Результаты и обсуждения = Results and Discussion

3.1. Образ аула и экзистенция домашнего бытия в кавказском тексте Лермонтова

Кавказ и кавказских характер в лермонтовских поэмах выступают сосредоточением первозданности и естественности. Знаковыми в этой свя-

зи для поэта являются и характеристики отдельных населенных пунктов горцев, вербализованные в номинации «аул», обозначающей небольшое родовое поселение горских народов. Слово *аул* встречается в ранних кавказских поэмах Лермонтова, в «Герое нашего времени», в «Мцыри», в одной из редакций «Демона». Коннотации лексемы *аул* у Лермонтова прежде всего связаны с образом дома как такового, отсюда *аул* снабжается эпитетами *родимый* («Гарун меж скал аул родимый // При лунном свете узнает...» [Лермонтов, 1954—1957, т. 4, с. 143]) и *родной* («Родной аул недалеко...» [Там же, т. 3, с. 219]), «Охотой // Родной аул покинула она» [Там же, т. 3, с. 249]). Образ аула сопряжен с родовыми связями, с семьей: «Аул, где детство он провел...» [Там же, т. 3, с. 164], «И вспомнил я отцовский дом, // Ущелье наше, и кругом // В тени рассыпанный аул...» [Там же, т. 4, с. 153]. Стремясь уловить в горской ментальности что-то созвучное своим чувствам, Лермонтов использует при обозначении поселений горцев эмоционально насыщенное и вместе с тем универсальное слово *кров*, выступающее в художественном мире поэта как обозначение глубоко личного, родного пространства: «Аул рассыпан над рекою; // Стоит отдельно каждый кров» [Там же, т. 3, с. 181]. Ценности дома для горца вторит и поставленный поэтом акцент на гостеприимности горцев: «То странник, в поле запоздалый // Гостеприимный ищет кров» [Там же, т. 3, с. 272].

Аул Лермонтов и просто упоминает как координату кавказского пространства, и представляет в развернутых зарисовках-характеристиках. Поселение горцев представляется находящимся вне открытого доступа: «Горой от солнца заслоненный, // Приют изгнанников смиренный // Между кизилых деревьев // Аул рассыпан над рекою» [Там же, т. 3, с. 181]. Акцентированные в тексте заслоненность и отдаленность не только характеризуют аул с точки зрения его местоположения, но и включают в себе его авторскую оценку как закрытого, «своего» пространства, в этих деталях подчеркивается идея гармоничного сосуществования человека с природой, дающей ему приют, и идея дома, места жизни родовой семьи.

Уже в ранней поэме «Кавказский пленник» поэт детально изображает бытовую уклад горцев, дружеские и родственные отношения внутри корпорации: «Иные на коней садятся, // Но перед тем как расставаться, // Друг другу руку подают» [Там же, т. 3, с. 17]. В изображаемом Лермонтовым пространстве аула не только ведутся разговоры о боевой жизни, находят пленники (понятие «пленник» отсылает к семантическому полюю военных действий), но и течет мирная жизнь, олицетворяемая прекрасными черкешенками, которые «резвою толпой» радуются жизни: «цветы весенние вплетали», «гляделися в зеркало вод» [Там же, т. 3, с. 17], «восточны песни напевали» [Там же, т. 3, с. 18]. В этом пространстве находится место и

жалости к пленникам («С улыбкой жалости немой // Стоит черкешенка младая!» [Там же, т. 3, с. 17]), и нежной любви («И взор ее изобразил // Души порыв, как бы смятенной» [Там же, т. 3, с. 27]), и радости вкушения простой пищи («Дает заботливой рукой // Хлеб и кумыс прохладный свой» [Там же, т. 3, с. 27]).

В «Кавказском пленнике» поэт изображает не только мир Кавказа, но и тоску томящихся в плену русских по родине: «Надежды нет им возвратиться; // Но сердце поневоле мчится // В родимый край» [Там же, т. 3, с. 19]. Это чувство родины при изображении русских в ранних кавказских поэмах Лермонтова так проникновенно звучит, по всей вероятности, и в связи с тем, что самые ранние кавказские поэмы созданы в Пензе; на обложке рукописи «Черкесов», написанных в той же тетради, что и «Кавказский пленник», находится автограф Лермонтова: «В Чембар за дубом» [Там же, т. 3, с. 312]. Испытывая нежные чувства к родному пространству, поэт наделяет ими и своих героев. Чувство родины присуще и получившему образование в России горцу Измаил-Бею: «Он, сколько мог, привычек, правил // Своей отчизны не оставил» [Там же, т. 3, с. 161].

Горский аул имеет для Лермонтова и эстетическую ценность, поэт созерцает его устройство, любит его. Вглядываясь в каждый отдельный элемент горного аула, поэт размышляет о месте дома в кавказской ментальности. Поэтизируя горскую повседневность, Лермонтов вписывает аул в пространство идиллического пафоса: райская природа, само состояние человека «в летний день, в полдневный жар» [Там же, т. 3, с. 181] располагает к неспешному проведению времени. Присматриваясь к кавказскому пейзажу и бытовой картинке в нем, Лермонтов подмечает и те детали, которые делают пейзаж глубоко родным и в то же время универсальным, независимым от той или иной ментальности; расставленные по-этом акценты могут быть применены к любому усадебному / деревенскому топосу: «Толпа детей в траве играет», «Черкес усталый отдыхает», «Меж тем сидит его жена // С работой...» [Там же, т. 3, с. 181]. Поэт подчеркивает домашнюю атмосферу и незатейливость повседневности аула. Автроское восприятие аула как дома обуславливает и особенности построения описания аула, например, в поэме «Измаил-Бей» он лишь вначале дается панорамным зрением, а затем его образ складывается из цепочки бытовых зарисовок. Поэт сначала издали обозревает весь аул, указывая на его расположение («Стоит отдельно каждый кров // В тени под дымной пеленою» [Там же, т. 3, с. 181]), затем переходит от дальнего плана к ближнему, затем пристально вглядывается в детали, замечая даже «работу», по всей видимости, рукоделие, с которым «в сакле одиноко» сидит женщина.

Акцентированная поэтом домашность культуры горцев является частным, хотя и естественно универсальным элементом жизни на Кавказе, в изображении домашности поэт сближает экзотический мир горцев со своим привычным миром. И это естественно, так как он видит в горце не только вольного жителя почти диких просторов, но просто человека с его тягой к жизни в обжитом идиллическом пространстве.

3.2. Актуализация родоплеменных отношений горцев в кавказском тексте Лермонтова

Дом для горца — это не только жилище, аул, но и вся система родовых связей и хранимых вековых традиций. Поэт подчеркивает, что горцы воюют не за государство, а за свою малую родину: «За кровлю сакли белой // За близкий топот табуна // Тогда он мир бы отдал целый!» [Там же, т. 3, с. 160]. Сиротой становится горец, лишившийся не только родных, но и родной ему природы: «Ты будешь сиротой, // Ты не найдешь родных, ни крова» [Там же, т. 3, с. 145], «Блажен, кто вырос в сумраке лесов, // <...> // Под кровом скал» [Там же, т. 4, с. 95]. Примечательна частотность слова *кров* у Лермонтова. Такой номинацией усиливается смысл 'бытовая неприязнательность'. Это слово становится у Лермонтова ведущим средством для характеристики горской ментальности. Сооруженный человеком дом и естественное природное укрытие сближены. В зарисовках жизни аула Лермонтов подчеркивает не только его естественную жизнь на фоне идиллического пейзажа, но и присущую ей дикость нравов: все это проявление падшей природы человека. Аул оказывается местом дележа добычи и казни пленных, изображаемая поэтом реальность вызывает ужас. Вот так описывает поэт действия Рослаббека — брата Измаил-Бея: «Он пленников дрожащих приводил, // И уверял их в дружбе, и шутил, // И головы рубил им для забавы» [Там же, т. 3, с. 179].

Примечательно, что, восторгаясь удалью, смелостью, идеалами свободы и чести в горах («Смотри, как всякий биться рад // За дело чести и свободы!..» [Там же, т. 3, с. 185]), поэт акцентирует и их жестокость («Они растут среди разбоев тайных, // Жестоких дел и дел необычайных...» [Там же, т. 3, с. 155]) и лукавство («И умный князь, лукавый Рослаббек» [Там же, т. 3, с. 179], «Их темный и лукавый взор», «Чеченец посмотрел лукаво [Там же, т. 2, с. 168]).

Лермонтов видит у горцев не только теплоту, но способность отстраненно относиться к аулу и дому. За дикостью их нравов отходит на второй план прежняя, очаровавшая поэта простота естественных отношений, гостеприимность. Лермонтов показывает, как легко уходят горцы со своего обжитого места, не оставляя после себя ничего («Пустой аул, пустое поле, // Едва дымящийся костер // И свежий след колес — не боле» [Там

же, т. 3, с. 157]), и быстро раскидывают новый аул, который затем ждет та же участь: «В необитаемой пустыне // Черкес бродящий отдохнул, // Построен новый был аул // Его следов не видно ныне» [Там же, т. 3, с. 159].

Если в русском менталитете, носителем которого является сам Лермонтов, окультуренное пространство дома представляется идеальным и ассоциируется с покоем, отдыхом, детством («И вижу я себя ребенком; и кругом // Родные всё места: высокий барский дом // И сад с разрушенной теплицей» (см.: например, «1 января» [Там же, т. 2, с. 136]), то для горца идеал жизни все же не домашняя идиллия, а жизнь на лоне природы. Песня жены о «родине далекой» порождает у горца мечтания об «облака<x> родных небес» [Там же, т. 3, с. 181].

Жизнь в идиллическом пространстве аула, как показывает Лермонтов, не есть для горцев полнота жизни. Вольная жизнь в горах для них ценнее домашности. Как истинный дом горцами понимается дикая природа Кавказа, которая противопоставляется общим поселениям. В «Ауле Бастунджи» юный горец пытается прельстить возлюбленную жизнью в отвоеванном у природы («Мой дом изрыт в расселинах скалы: // В нем до меня два барса дружно жили» [Там же, т. 3, с. 258]) подобии рая («И у меня жилище есть в горах, // Где отыскать нас может лишь аллах!» [Там же, т. 3, с. 258]), в котором однако действует закон смерти и возможности кровопролития («Я их убил — и в тот же день орлы // Кровавые их кости растащили» [Там же, т. 3, с. 258]).

В «Измаил-Бее» для главного героя при возвращении на родину определяющим становится восприятие кавказских гор как дома: «И не родной аул — родные скалы // Решился он от русских защитить!» [Там же, т. 3, с. 258]. Примечательно, что любовь воспитанного при русском дворе черкесского князя Измаил-Бея к родным горам находит созвучие и в душе русских, служащих на Кавказе: они показаны у Лермонтова полубившими Кавказ с его «самобытностью и красотой», желающими «сохранить его как рай на земле» [Киселева и др., 2022б, с. 99]: «... меня, как вас, пленяет // И водопад, и темный лес <...> И ваше племя я люблю» [Лермонтов, т. 3, с. 192]. Русские полюбили Кавказ в его естественности и природности, в его стремлении к полноте свободы и чувстве близкого неба.

Примечательно, что речь русского кавказца в тексте поэмы включает именно слово *племя*, акцентируя тем самым цивилизационные особенности Северного Кавказа того времени, характеризующиеся родоплеменными отношениями. Кавказская война в понимании Лермонтова — это не столкновение горцев и русских, и не столкновение христианства с мусульманством, но естественный цивилизационный процесс, именно поэтому в стихотворении «Спор» его размышления представлены через диалог

олицетворенных образов гор, Эльбруса и окидывающего взглядом «племя гор своих» Казбека, о наступлении цивилизации («в глубине твоих ущелий застучит топор» [Там же, т. 2, с. 193]). Лермонтов в этом обозначении кавказских гор как *племени* также подчеркивает первобытно-общинные начала кавказского мира. Исламская культура в то время еще недостаточно крепко утвердилась среди коренных народов Кавказа и наложилась на их родовые представления о взаимоотношениях с миром и высшими силами.

Значимо, что вступивший в противоборство с русскими Измаил-Бей, возможно, не является мусульманином: его соратники находят на его теле «белый крест на ленте полосатой» и с презрением уходят от убитого, не погребая его, но «родные скалы» мыслятся им не связанными с мусульманством, они ценны сами по себе. Если сравнить менталитет горца с русским менталитетом в этом аспекте, то образ русской земли представляется априори связанным с православием и православной культурой (в лермонтовском «Бородино» (1837) образ «Божьей воли», являющей собой «аналог одного из прошений молитвы Господней: «Да будет воля Твоя, яко на Небеси и на земли» [Киселева, 2019, с. 13], неотрывен от понимания солдатами Москвы как оплота православного государства («Не будь на то Господня воля // Не отдали б Москвы» [Лермонтов, т. 2, с. 80])), тогда как в сознании изображаемых поэтом горцев ценности религиозной культуры ислама не первичны. В своих ранних поэмах Лермонтов показывает, что исламская цивилизация, несмотря на ее зримое присутствие в кавказской жизни («С мечети слез мулла» [Там же, т. 3, с. 248], «С мечети божей лишь мулла седой // Ему, смеясь, кивает головой» [Там же, т. 3, с. 261]), в полноте не определяет кавказское сознание в его время и часто воспринимается не в бытийственном, а во внешне ритуальном образе. В поэме «Хаджи Абрек» поэт очень точно выразил особенности сознания горца: «Его мечеть — на поле брани» [Там же, т. 3, с. 267]. Сознание героя в ранней лермонтовской поэме «Каллы» («Так говорил мулла жестокий, // И кабардинец черноокий // Безмолвно, чистя свой кинжал, // Уроку мщения внимал» [Там же, т. 3, с. 92]) обусловлено не столько исламом, хотя и констатируется так Лермонтовым, сколько языческими законами кровной мести, распространенными в среде туземных народов Кавказа. Как отмечал изучавший кавказские обычаи Н. Семенов, «между убийцею и родственниками убитого с момента убийства до момента примирения за кровь устанавливаются особые отношения, называемые кровными» [Семенов, 1895, с. 280]. В мусульманском праве и этике понятие кровной мести отсутствует. Сохранение обычая кровной мести определяет не ислам, но пылкий характер горцев и активная память древних родоплеменных отношений.

Язычество и родовой уклад среди черкесов и других народностей Кавказа хотя официально и сдавали свои позиции перед мусульманством,

все еще оставались значимы в кавказской среде с ее традициями кровной мести и культом родственных отношений. Значимо, что причиной смертоубийства в кавказских поэмах Лермонтова становятся не собственно военные события, а личная обида и желание быть удалцом в следовании старым обычаям, а также естественная для человека, потерявшего рай и не обретшего путь к нему, жажда мести. В своих поэмах Лермонтов изображает не только столкновение казаков с горцами, но и вражду горцев между собой. Так, например, в «Ауле Бастунджи» аул представлен разрушенным именно враждою братьев, полюбивших одну красавицу, а не вторжением русских, хотя чаще всего военные столкновения изображены в их жестокости, а время затишья — в идиллическом топосе: «И без оглядки с пикой за спиной // Донской казак въезжает в это поле; // И безопасно в небесах орел, // Чертя круги, глядит на тихий дол» [Лермонтов, т. 3, с. 244]. Образ орла, связанный с христианской символикой и имеющий имперские аллюзии, особенно актуален в аспекте восточного вопроса, включающего взаимодействие христианской (Византия, Российская Империя) и мусульманской (Османская Империя) цивилизаций.

Кавказскую войну поэт представляет не как вражду русских с горцами, среди которых становится распространен и институт куначества (как поясняет сам Лермонтов в примечаниях к «Герою нашего времени», «кунак значит приятель» [Там же, т. 6, с. 217]), а как политическое противостояние, связанное с укреплением России своих восточных рубежей, где горцы выступали дестабилизирующей силой, а также как естественный цивилизационный процесс, связанный с исторической закономерностью в соответствии с движением времени и развитием земной цивилизации в целом.

3.3. Русско-кавказские отношения в аспекте цивилизационного выбора Северного Кавказа

Если в раннем творчестве Лермонтова религиозный мотив в кавказском тексте звучит достаточно приглушенно, он проходит фоном при изображении страстей и быта кавказских народов, то в позднем обостряется, поэт начинает размышлять об исламском типе культуры («Судьбе как турок иль татарин // За все я ровно благодарен» [Там же, т. 2, с. 167]), в его текст входят образы не только муллы, но и мюридов («А вот в чалме один мюрид // В черкеске красной ездит важно...» [Там же, т. 2, с. 169]), и своего рода рыцарей ислама — фарисов («по плечам фариса вильсь в беспорядке» [Там же, т. 2, с. 125]), что свидетельствует об интересе поэта к культуре ислама, недаром в письме к С. А. Раевскому Лермонтов пишет: «Я уже составлял планы ехать в Мекку, в Персию и проч., теперь остается только проситься в экспедицию в Хиву с Перовским» [Там же, т. 6, с. 441].

Не исключено, что нарастание у поэта интереса к исламу обусловлено и активизацией деятельности мусульман на Кавказе в 1830-е годы. Создание исламского государства на территории Дагестана и Чечни, управляемого другом вождя исламистов Шамиля Гази-Магомеда, относится лишь к 1829 году. И если в раннем творчестве Лермонтова исламская цивилизация не представляется определяющей сознание и поступки горцев, то пребывание поэта в действующей армии Кавказа углубило его знакомство с исламом и обусловило более серьезное восприятие этого религиозного учения. Если отважный Акбулат из ранней поэмы «Аул Бастунджи» парирует наставлениям религиозного учителя: «Молись себе пророку, злой мулла, // И не мешайся так в дела чужие» [Там же, т. 3, с. 262], то в «Валерике» поэт уже показывает противников русскому войску как сознательно исповедующих ислам, недаром в «Валерике» он вводит образ мюрида, воина, который стоит на ступени сознательного ученичества в исламской религиозной практике суфизма. Обозначение воина именно как мюрида, который вызывает «на смертный бой» [Там же, т. 2, с. 169], содержит аллюзии к восточному вопросу, связанному с противостоянием России как православного государства с Османской Империей, но не исчерпывается ими. Вероятно, что Лермонтова волнуют и причины принятия горцами мусульманства: почему именно оно прельстило людей, живших до этого по преимуществу родоплеменным порядком? Можно предположить, что, обладая сильнейшим государствообразующим потенциалом, так как Мухаммед не только проповедовал веру в Единого Бога, но и акцентировал идею общественного порядка, включающую в том числе родоплеменную рознь, мусульманство на Кавказе было ответом на естественный распад родовых отношений (и Лермонтов это понимает, недаром в поэмах «Аул Бастунджи», «Измаил-Бей» пишет о вражде двух братьев) и определялось необходимостью нового скрепляющего элемента.

Вероятно, что в своем раннем творчестве Лермонтов не различает исламский и языческий контекст и художественно синтезирует принадлежность к исламу с обычаями кавказцев на основе единой ментальности, к тому же те и другие занимали сторону сопротивления русским, тогда как после 1837 года, отмеченного первым опытом участия в Кавказской войне, поэт фиксирует понимание эволюционирующего значения ислама как религии единобожия для становления самосознания живших родоплеменным укладом народов Северного Кавказа. Государствообразующая функция мусульманства, с одной стороны, укрепляла сопротивление горцев против России, но с другой — давала возможность перейти обеим сторонам на новый этап взаимодействия — достижение политической договоренности, которая остановила бы кровопролития, вызванные необу-

данными страстями так называемого естественного человека. Кроме того, образование на северокавказских территориях относительно независимых государственных образований позволило им централизованно руководствоваться и интересами своего народа, а не только Османской Империи, которая даже официально заявляла о своей ответственности «за оказание военной помощи и подстрекание кавказских племен (в особенности чеченских и дагестанских из района Кубы (черкесы, ногайца, кабардинцы))» [Митрофанова, 2019, с. 87]. Мысль о благе взаимодействия с русскими, а не с турками, зависимыми также от английского влияния, вероятно, вдохновила и религиозного предводителя кавказского воинства Шамиля на слова, сказанные им уже после пленения на свадьбе Александра III: «Старый Шамиль на склоне лет жалеет о том, что не может родиться еще раз, дабы посвятить свою жизнь служению Белому Царю, благодеяниями которого он теперь пользуется» [Сегень, 2013, с. 514]. В аспекте понимания Лермонтовым аспектов взаимодействия русских и горцев значимо и упоминание в его творчестве феномена куначества («он был кунак мой», «мы были с ним кунаки») и мирности со стороны горцев («мирной князь», «мирной татарин»). Однако изображая приметы мира, представляя в кавказском тексте идиллические пейзажи, «тихий дол», поэт рисует казака «с пикой за спиной», тем самым констатирует факт пограничности пространства и хрупкости тишины.

4. Заключение = Conclusions

Лермонтов на протяжении всего своего творчества обращается к образу Кавказа, помещает своих героев в реалии жизни среди гор. Кавказ у Лермонтова неотрывен от образа России. Осмысляя тему присутствия русских на Кавказе, поэт показывает две культуры — русских и кавказцев — в их взаимодействии. И если, например, в очерке «Кавказец» (1841) дан тип русского человека, вдохновленного романтикой Кавказа («бурка, прославленная Пушкиным, Марлинским и портретом Ермолова, не сходит с его плеча, он спит на ней и покрывает ею лошадь»), то «кавказские поэмы» представляют именно типы горцев, формирование которых связано с присутствием русских на Кавказе. Те или иные грани кавказского менталитета часто проявляются через естественное для поэта как носителя русского сознания, через сравнение с русским сознанием и русским образом мира. Описывая природу Кавказа, национальные особенности, характеры горцев, поэт пытается понять культуру горских народов, их традиций и преданий. Поэтизируя кавказский мир, Лермонтов выступает как поэт-этнограф, запечатлевший в слове быт и бытие горцев. Именно Лермонтов стал тем поэтом, который художественно точно передал сущность кавказ-

ской жизни и кавказской природы, представил в поэтической рефлексии горский характер. Поэт не только прямо воспроизводит психотип горцев, рисуя проявление их чувств и эмоций, но точно реконструирует сам уклад их жизни, отношение к семье, родовой памяти, обычаям, особенности культуры, а также специфику их общественного устройства. В своих произведениях он намечает и возможность диалога русского и кавказского миров, их взаимопроникновения и уважения друг к другу.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
---	---

Источники

1. *Боденштедт Фр.* Из послесловия к переводу стихотворений Лермонтова / Фр. Боденштедт // М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. — Москва : Худож. лит., 1989. — С. 365—371.
2. *Лермонтов М. Ю.* Сочинения : В 6-ти томах / М. Ю. Лермонтов. — Москва, Ленинград : Издательство Акад. наук СССР, 1954—1957.

Литература

1. *Алексеев П. В.* Восточный текст в поэтике М. Ю. Лермонтова / П. В. Алексеев // Вестник Томского государственного университета. — 2013. — № 374. — С. 7—10.
2. *Андроников И. Л.* Лермонтов. Исследования и находки / И. Л. Андроников. — Москва : Художественная литература, 1977. — 650 с.
3. *Багно В. Е.* Восточные ответы Лермонтова / В. Е. Багно. — Санкт-Петербург : Скрипториум, 2015. — С. 68—73. — ISBN 978-5-905011-12-2.
4. *Гроссман Л. П.* Лермонтов и культуры Востока / Л. П. Гроссман // М. Ю. Лермонтов. — Москва : Изд-во АН СССР, 1941. — С. 673—744.
5. *Захаров В. А.* «Ориентализм» Эдварда Саида и восприятие Северного Кавказа как Востока в произведениях М. Ю. Лермонтова / В. А. Захаров // Лермонтов в исторической судьбе народов Кавказа. — Краснодар : ООО «Экоинвест», 2014. — С. 26—81.
6. *Киселева И. А.* Прочтение стихотворения М. Ю. Лермонтова «Бородино» (1837) как духовный опыт обретения патриотического чувства / И. А. Киселева // Литература в школе. — 2019. — № 8. — С. 12—15.
7. *Киселева И. А.* Истоки и образное воплощение имперского сознания М. Ю. Лермонтова / И. А. Киселева, К. А. Поташова // Проблемы исторической поэтики. — 2022а. — Т. 20. — № 3. — С. 87—100. — DOI: 10.15393/j9.art.2022.11242.
8. *Киселева И. А.* Кавказ как эмоционально-смысловая доминанта в поэме М. Ю. Лермонтова «Измаил-Бей» / И. А. Киселева, К. А. Поташова // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. — 2022б. — № 4 (77). — С. 94—102. — DOI: 10.37724/RSU.2022.77.4.010.
9. *Кошелев В. А.* М. Ю. Лермонтов : Историческая мифология. Исследования и материалы / В. А. Кошелев. — Великий Новгород-Тверь : Издательство Марины Батасовой, 2014. — 663 с. — ISBN 978-5-903728-76-3.

10. Лотман Ю. М. Проблема Востока и Запада в творчестве позднего Лермонтова / Ю. М. Лотман // Лермонтовский сборник. — Ленинград : Наука, 1985. — С. 5—22.
11. Митрофанова А. И. К вопросу о политике Османской империи на Кавказе в XIX в. / А. И. Митрофанова // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. — 2019. — № 1. — С. 239—243.
12. Нестор, игумен (В. Ю. Кумыш). Пророческий смысл творчества М. Ю. Лермонтова / Нестор, игумен (В. Ю. Кумыш). — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2006. — 212 с. — ISBN 978-5-86007-563-4.
13. Сегень А. Ю. Московский Златоуст : жизнь, свершения и проповеди святителя Филарета (Дроздова), митрополита Московского / А. Ю. Сегень. — Москва : Благовест, 2013. — 605 с. — ISBN 978-5-9968-0282-1.
14. Семенов Л. П. Лермонтов на Кавказе / Л. П. Семенов. — Пятигорск : Орджоникидзевское краев. изд-во, 1939. — 224 с.
15. Семенов Н. Туземцы северо-восточного Кавказа. Рассказы, очерки, исследования, заметки о чеченцах, кумыках и ногайцах и образцы поэзии этих народцев / Н. Семенов. — Санкт-Петербург : Тип. А. Хомского и К°, 1895. — 488 с.
16. Тойбин И. М. Пушкин. Творчество 1830-х годов и вопросы историзма / И. М. Тойбин. — Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1976. — 278 с.
17. Удодов Б. Т. М. Ю. Лермонтов : художественная индивидуальность и творческие процессы / Б. Т. Удодов. — Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1973. — 702 с.
18. Ходанен Л. А. Культурный концепт «Кавказ» и его текстообразующая роль в творчестве А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова / Л. А. Ходанен // Сибирский филологический журнал. — 2015. — № 4. — С. 47—57. — DOI: 10.17223/18137083/53/6.
19. Юхнова И. С. Очерк «Кавказец» в контексте творчества М. Ю. Лермонтова / И. С. Юхнова // Современные проблемы науки и образования. — 2015. — № 1—1. — С. 1127.

Статья поступила в редакцию 12.05.2023,
одобрена после рецензирования 15.06.2023,
подготовлена к публикации 22.06.2023.

Material resources

- Bodenstedt, Fr. (1989). From the afterword to the translation of Lermontov's poems. In: *M. Y. Lermontov in the memoirs of contemporaries*. Moscow: Art. lit. 365—371. (In Russ.).
- Lermontov, M. Yu. (1954—1957). *Works: In 6 volumes*. Moscow, Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. (In Russ.).

References

- Alekseev, P. V. (2013). The Oriental text in the poetics of M. Y. Lermontov. *Bulletin of Tomsk State University*, 374: 7—10. (In Russ.).
- Andronikov, I. L. (1977). *Lermontov. Research and findings*. Moscow: Fiction. 650 p. (In Russ.).
- Bagno, V. E. (2015). *Eastern answers of Lermontov*. St. Petersburg: Scriptorium. 68—73. ISBN 978-5-905011-12-2. (In Russ.).

- Grossman, L. P. (1941). Lermontov and the cultures of the East. In: *M. Y. Lermontov*. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 673—744. (In Russ.).
- Khodanen, L. A. (2015). The cultural concept “Caucasus” and its text—forming role in the works of A. S. Pushkin and M. Y. Lermontov. *Siberian Philological Journal*, 4: 47—57. DOI: 10.17223/18137083/53/6. (In Russ.).
- Kiseleva, I. A. (2019). The reading of M. Y. Lermontov’s poem “Borodino” (1837) as a spiritual experience of gaining a patriotic feeling. *Literature at school*, 8: 12—15. (In Russ.).
- Kiseleva, I. A., Potashova, K. A. (2022a). Origins and figurative embodiment of imperial consciousness M. Y. Lermontov. *Problems of historical poetics*, 20 (3): 87—100. DOI: 10.15393/j9.art.2022.11242. (In Russ.).
- Kiseleva, I. A., Potashova, K. A. (2022b). The Caucasus as an emotional and semantic dominant in M. Y. Lermontov’s poem “Izmail Bey”. *Bulletin of Ryazan State University named after S. A. Yesenin*, 4 (77): 94—102. DOI: 10.37724/RSU.2022.77.4.010. (In Russ.).
- Koshelev, V. A. (2014). *M. Yu. Lermontov: Historical mythology. Research and materials*. Veliky Novgorod-Tver: Marina Batasova Publishing House. 663 p. ISBN 978-5-903728-76-3. (In Russ.).
- Lotman, Yu. M. (1985). The problem of East and West in the works of late Lermontov. In: *The Lermontov Collection*. Leningrad: Nauka. 5—22. (In Russ.).
- Mitrofanova, A. I. (2019). On the question of the policy of the Ottoman Empire in the Caucasus in the XIX century. *Bulletin of the Taganrog Institute named after A. P. Chekhov*, 1: 239—243. (In Russ.).
- Nestor, abbot (V. Y. Kumysh). (2006). *The prophetic meaning of M. Y. Lermontov’s creativity*. St. Petersburg: Dmitry Bulanin. 212 p. ISBN 978-5-86007-563-4. (In Russ.).
- Segen, A. Y. (2013). *Moscow Chrysostom: the life, achievements and sermons of St. Filaret (Drozdov), Metropolitan of Moscow*. Moscow: Blagovest. 605 p. ISBN 978-5-9968-0282-1. (In Russ.).
- Semenov, L. P. (1939). *Lermontov in the Caucasus*. Pyatigorsk: Ordzhonikidze region publishing house. 224 p. (In Russ.).
- Semenov, N. (1895). *Natives of the north-eastern Caucasus. Stories, essays, studies, notes about Chechens, Kumyks and Nogais and samples of poetry of these peoples*. St. Petersburg: A. Chomsky and Co. 488 p. (In Russ.).
- Toibin, I. M. (1976). *Pushkin. Creativity of the 1830s and questions of historicism*. Voronezh: Voronezh University Press. 278 p. (In Russ.).
- Udodov, B. T. (1973). *M. Yu. Lermontov: artistic individuality and creative processes*. Voronezh: Voronezh University Press. 702 p. (In Russ.).
- Yukhnova, I. S. (2015). Essay “Caucasian” in the context of the work of M. Y. Lermontov. *Modern problems of science and education*, 1—1: P. 1127. (In Russ.).
- Zakharov, V. A. (2014). “Orientalism” by Edward Said and the perception of the North Caucasus as the East in the works of M. Y. Lermontov. In: *Lermontov in the historical fate of the peoples of the Caucasus*. Krasnodar: LLC “Ecoinvest”. 26—81. (In Russ.).

*The article was submitted 12.05.2023;
approved after reviewing 15.06.2023;
accepted for publication 22.06.2023.*